

Б. Н. Миронов

Дерусификация управления в СССР

Миронов

Борис Николаевич

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
финансовой
поддержке
Российского фонда
фундаментальных
исследований (РФФИ),
проект № 20-09-00353
«Распад Советского
Союза в человеческом
измерении:
междисциплинарное
исследование»

В многоэтнической стране роль отдельного народа в государственном управлении в существенной степени зависит от его представительности и степени участия в органах власти. Репрезентативность этноса определяется его абсолютной и относительной численностью в законодательных, исполнительных и судебных структурах. Небольшой этнос может быть представлен во власти в десять раз выше своего процента в населении, но иметь слабое политическое влияние, если эта доля ничтожна. И таких этносов в СССР насчитывалось десятки. Напротив, многочисленный народ может быть недопредставлен в органах власти, но благодаря своей большой абсолютной численности количественно преобладать и иметь большее влияние по сравнению со сверхпредставленными небольшими по численности этносами. К концу советского периода этническая дискриминация *при формировании* органов власти была сведена к минимуму — все этносы получили примерно равные права де-юре и де-факто ими пользовались. Поскольку в имперский период и в первые годы советской власти русские весомо преобладали во всех структурах государственного управления, выравнивание *репрезентативности* неизбежно вело к умалению в них роли русских и соответственно к росту влияния нерусских, что при определенных обстоятельствах могло

послужить одним из факторов распада Советского Союза. Проблеме участия этносов во власти и посвящена настоящая статья, продолжающая изучение проблемы дезинтеграции, начатое в статье, опубликованной в «Новейшей истории России» ранее¹. Поскольку в последней рассмотрены вопросы об источниках и методике анализа, то скажу об этом кратко².

Как и в первой статье, предметом исследования является этнополитическое неравенство народов СССР как фактор его дезинтеграции, а объектом — партийное и советское руководство, а также работники судебных и правоохранительных органов в союзных республиках и в СССР в целом. Но конкретные цели — иные. Цель первой статьи — измерить уровень демократизма или степень неравенства при формировании властных структур, а настоящей статьи — оценить, как изменилась роль титульных этносов³ в различных сферах управления в течение советского периода в стране в целом и в пятнадцати союзных республиках в частности.

Основными источниками сведений об этническом составе руководящего персонала управленцев являются сведения всероссийской переписи 1897 г.⁴, всесоюзных переписей населения 1926⁵, 1959⁶, 1970⁷, 1979⁸ и 1989 гг.⁹ В советских переписях учитывались руководители органов государственного управления и их структурных подразделений: главы правительств СССР, союзных и автономных республик, министры, председатели госкомитетов, начальники главков, управлений и отделов советов министров, министерств и госкомитетов, председатели исполкомов (краев, областей, округов, районов и городов), а также их заместители; из руководителей органов законодательной власти — члены президиумов верховных советов СССР, союзных и автономных республик, а также исполкомов советов народных депутатов всех уровней. Кроме управленцев, переписи идентифицировали и зафиксировали в этническом разрезе весь юридический персонал, исключая технических работников, — судей, прокуроров, следователей, адвокатов; переписи 1926 и 1959 гг. учли еще и всех работников органов правопорядка, а перепись 1926 г. — военнослужащих. Из аппаратов партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций и их структурных подразделений (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК профсоюзов и центральные общественные организации — на общесоюзном уровне; ЦК компартий союзных и автономных республик, ЦК комсомола, советы и ЦК профсоюзов — на республиканском уровне; крайкомы, обкомы и окружкомы КПСС, ВЛКСМ и профсоюзов — в масштабе краев, областей и национальных округов) в переписях учитывались первые и все остальные секретари, заведующие отделами и секторами партийных и комсомольских органов, а также председатели, заместители председателей и секретари профсоюзных органов. Большинство этих чиновников входили в номенклатуру, образующую правящий класс и определявшую судьбу страны.

Руководящий персонал составлял от общего числа управленцев 31 % в 1926 и 1959 гг., 21 % в 1970 г. и 26 % в 1979 г., т. е. на одного руководителя приходилось 3–4 рядовых сотрудника. Численность руководящего персонала в гос- и партаппарате возросла с 198 тыс. в 1926 г. до 666 тыс. в 1989 г. Численность юридического персонала (судей, прокуроров, следователей и адвокатов)

с 1926 по 1989 г. возросла с 21 до 240 тыс., работников органов правопорядка — с 89 до 553 тыс. Всего проанализирован этнический состав 308 тыс. работников управления, суда и правопорядка в 1926 г., 929 тыс. — в 1959 г. и 1 млн 459 тыс. — в 1989 г.

Уровень этнополитического неравенства, или степень демократизма, при комплектовании органов управления оценивается с помощью индекса этнополитической репрезентативности (ИЭПР) — соотношения процента представителей этноса среди управленцев и среди всего самодеятельного населения. Опираясь на этот показатель, можно адекватно измерить меру политического неравенства и ранжировать этносы по степени дискриминации. Если индекс меньше или больше 1, то этнос недостаточно или избыточно представлен в структурах власти. Если индекс равен 1, то права этого этноса при комплектовании властных структур учтены пропорционально его численности. Степень участия различных этносов в управлении оценивает процент их выдвиженцев в партийных, советских, законодательных, судебных и правоохранительных органах. Разумеется, роль этноса в управлении зависит не только от численности его представителей во властных структурах. Имеет значение, на каких постах они находятся, степень активности и их престиж, влияние и личный статус. Прямые сведения о степени активности чиновников и личного влияния официальная статистика не собирала. Информацию можно найти в эго-документах, в социологических опросах, а также в материалах различных аттестационных комиссий, проверок и ревизий. Однако рассмотрение этого аспекта выходит за рамки настоящей статьи. Подчеркну, что участие в управлении само по себе имеет значение. Неслучайно в аппарате управления в полиэтничных союзных и автономных республиках СССР (как и в настоящее время в многонациональных автономиях и областях Российской Федерации) нередко использовалась технология паритетного и пропорционального квотирования по этническому признаку¹⁰. В Верховном Совете СССР это было обычной практикой, начиная с 1936 г. Совет Национальностей избирался по квоте: 25 от каждой союзной республики, 11 — от каждой АССР, 5 — от каждой автономной области и один депутат от каждого национального (с 1977 г. — автономного) округа. При этом, как правило, от национальных административно-территориальных субъектов в Верховный Совет избирались представители титульных этносов.

Прежде чем приступить к статистическому анализу сведений о численности представителей отдельных этносов в структурах власти, сделаю оговорку. Статистические расчеты первичных данных переписей проводились в программе Excel; полученные числа округлялись до сотых или тысячных. В последующих расчетах использовались эти округленные данные, а в итоговых таблицах, приводимых в статье, результаты расчетов вновь округлялись до десятых или сотых. Вследствие этого тройного округления финальные цифры могут незначительно отличаться от тех, которые получаются, если все расчеты вести без промежуточного округления.

Анализ данных о составе органов управления СССР демонстрирует, что в советскую эпоху роль нерусских этносов в управлении страной систематически возрастала. Если в 1897 г. доля нерусских в органах управления состав-

ляла 32,2%, то в 1926 г. — 35,2, 1989 г. — 43,9%, или сравнительно с 1897 г. в 1,4 раза больше, несмотря на то что их доля в самостоятельном населении уменьшилась с 52,7 до 46,9%. В 1989 г. русские в целом в количественном отношении по-прежнему преобладали как абсолютно, так и относительно, но весьма незначительно — немного выше своей более высокой доли в населении страны (табл. 1).

Таблица 1

**Репрезентативность и доля русских и нерусских в управлении и в населении
Российской империи в 1897 г.* и СССР в 1926, 1959, 1979 и 1989 гг.**

Показатели	Русские	Нерусские	15 титульных этносов
1897			
Управление, суд, полиция, %	67,8	32,2	85,3
Самостоятельное население, %	47,3	52,7	78,1
ИЭПР	1,43	0,61	1,09
1926			
Управление, суд, полиция, %	64,8	35,2	82,9
Самостоятельное население, %	55,5	44,5	80,5
ИЭПР	1,17	0,79	1,03
1959			
Управление, суд, полиция, %	61,2	38,8	90,1
Самостоятельное население, %	53,6	46,4	88,4
ИЭПР	1,14	0,84	1,02
1979			
Управление, суд, полиция, %	59,1	40,9	90,3
Самостоятельное население, %	55,1	44,9	89,5
ИЭПР	1,07	0,91	1,01
1989			
Управление, суд, полиция, %	56,2	43,8	91,0
Самостоятельное население, %	53,1	46,9	90,1
ИЭПР	1,06	0,93	1,00

*Здесь и далее в сведениях о Российской империи не учитывается Финляндия.

Источники: Общий свод... Т. 2. С. 226–255; Распределение населения по видам главных занятий... Т. 1–4; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 18–34; Всесоюзная перепись населения 1959 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2871–2890, 2893, 2898, 2890, 2904, 2924, 2928, 2938, 2839, 2939, 2949; Всесоюзная перепись населения 1979 г. // Там же. Д. 7465–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510; Всесоюзная перепись населения 1989 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.

Отметим важный момент. Численное преимущество русских было большим на высших уровнях власти и в партийных органах. В 1926 г. процент русских среди руководителей высшего звена в советском и партийном аппарате — 70,4, среднего звена — 63,9 и низшего — 63,2%; в 1959 г. соответственно — 61,7, 58,3 и 53,9%. В 1959 г. в партаппарате процент русских составлял 63,4 против 53,5% в госаппарате; в 1979 г. — соответственно 59,0 против 55,3%; в 1989 г. — 55,4 против 53,1%. Однако, как показывают данные за 1959 г. (за другие годы таких сведений нет), в партаппарате самое большое преобладание русских наблюдалось на нижнем уровне — 68,1%, а не на высшем (62,7%). По-видимому, существенное численное превосходство русских среди руководителей первичных партийных организаций позволяло партийному центру лучше контролировать ситуацию на местах (табл. 2).

Интересно также отметить, что с 1959 по 1989 г. численность госаппарата выросла в 1,26 раза, а партаппарата — в 2,43 раза, вследствие чего доля занятых в партийных и общественных организациях в общей численности гос- и партаппарата выросла с 37 до 53% — партийное руководство стало не только по степени власти, но и численно преобладать над советским. Так целенаправленно реализовалась задача по повышению роли КПСС в общественной жизни страны, что до некоторой степени могло способствовать сохранению ведущей роли русских в управлении Советским Союзом, поскольку их доля в партаппарате была выше, чем в населении. В годы горбачевской перестройки весь аппарат органов управления сократился на 50,7%, но госаппарат — на 86,3%, а партаппарат — лишь на 17,5%, закрепив перевес в пользу партаппарата¹¹. Между прочим, в результате сокращения аппарата в 1986–1989 гг. престижной работы лишились 799 тыс. управленцев, на которые опирался советский режим. Это вызвало недовольство уволенных и, можно предположить, усугубило кризис в СССР.

Теперь оценим динамику участия разных этносов в разных сферах управления и в силовых структурах (табл. 3).

В 1897 г. нерусские граждане участвовали в работе органов управления, суда и полиции, но их доля в структурах власти была в два раза меньше доли русских — 32,2 против 67,8% (табл. 1). Однако принципиально важно — *нерусские имели своих представителей в госаппарате империи, хотя и ниже демократической нормы*. К 1926 г., через 9 лет после революции 1917 г., во всех структурах власти в совокупности процент нерусских повысился до 35,0; в 1959 г. — до 38,8; в 1979 г. — до 41,2 и в 1989 г. — до 43,9% (табл. 3). В силовых структурах их роль также повышалась, но более низкими темпами. По всем имеющимся сведениям, в силовых структурах доля русских всегда была несколько выше их доли в населении. Вследствие этого до конца советской эпохи нерусские этносы в них были недопредставлены.

В этноконфессиональной политике в империи Санкт-Петербург опирался на местные элиты¹². Советская Москва не просто продолжила эту политику — она ее интенсифицировала¹³. В кадровой этнополитике центр стал последовательно утверждать демократический принцип. Ввиду этого процент нерусских в управлении в целом по стране повышался. Он, как правило, оставался

Таблица 2

Этническая структура занятых в аппарате управления на разных уровнях власти в СССР в 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (%)

Сфера управления	Русские	Нерусские	15 титульных этносов
1897			
Госаппарат, суд и полиция	67,8	32,2	85,3
1926			
Гос- и партаппарат	63,8	36,2	81,9
В том числе в организациях			
общесоюзных, республиканских и областных	70,4	29,6	82,0
районных и городских	63,9	36,09	84,7
первичных	63,2	36,82	81,3
Гос-, партаппарат, суд и милиция	64,8	35,2	82,9
1959			
Госаппарат	53,5	46,5	87,7
В том числе в организациях			
общесоюзных, республиканских и областных	61,2	38,8	85,2
районных и городских	57,7	42,3	89,3
первичных	46,0	54,0	87,5
Партаппарат	63,4	36,6	91,0
В том числе в организациях			
общесоюзных, республиканских и областных	62,7	37,3	90,5
районных и городских	59,3	40,7	90,1
первичных	68,1	31,9	92,2
Гос- и партаппарат	57,2	42,8	88,9
В том числе в организациях			
общесоюзных, республиканских и областных	61,7	38,3	87,0
районных и городских	58,3	41,7	89,6
первичных	53,9	46,1	89,2
Гос-, партаппарат, суд и милиция	61,2	38,8	90,1
1979			
Госаппарат	55,3	44,7	89,8
Партаппарат	59,0	41,0	91,1
Гос-, партаппарат, суд и милиция	59,1	40,9	90,3
1989			
Госаппарат	53,1	46,9	90,4
Партаппарат	55,4	44,6	91,1
Гос-, партаппарат, суд и милиция	56,2	43,8	91,0

Источники: см. примеч. к табл. 1.

Таблица 3

**Этнический состав аппарата управления и силовых структур СССР
в 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (%)**

Этнос	1926	1959	1979	1989
Судебная система				
Русские	65,1	56,4	59,9	57,2
Нерусские	34,9	43,6	40,1	42,8
15 титульных этносов	81,4	82,0	89,1	90,6
Милиция				
Русские	67,0	65,4	62,1	58,0
Нерусские	33,0	34,6	37,9	42,0
15 титульных этносов	81,4	92,4	90,5	91,5
Аппарат государственных, партийных, общественных организаций, органов суда и правопорядка				
Русские	64,8	61,2	59,1	56,2
Нерусские	35,2	38,8	40,9	43,8
15 титульных этносов	82,9	90,1	90,3	91,0
Вооруженные силы*				
Русские	73,0	63,1	—	—
Нерусские	27,0	36,9	—	—
15 титульных этносов	68,0	92,3	—	—

* В 1926 г. на основе выборочных данных. В 1959 г. сведения о составе действующей армии в 1943 г.

Источники: Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58 (данные о составе двухсот стрелковых дивизий численностью свыше миллиона военнослужащих в 1943 г.). Также см. примеч. к табл. 1.

менее 50, потому что доля русских в населении страны вплоть до 1991 г. превышала 50% (в 1989 г. в самодеятельном населении она равнялась 53,1%, во всем населении — 50,8%). Это и обеспечивало русским небольшое количественное преобладание на всех уровнях власти. Важно подчеркнуть: этнический статус повышался не только у титульных, но и у всех нерусских этносов. В 1897 г. доля *всех нерусских этносов* в органах управления составляла 32,2%, в самодеятельном населении — 52,7%, ИЭПР — 0,61; в 1926 г. соответственно — 35,2, 44,5% и 0,79; в 1959 г. соответственно — 38,7, 46,4% и 0,83; в 1979 г. — 40,9, 44,9% и 0,91; в 1989 г. соответственно — 43,9, 46,9% и 0,94. Это означает, что

Таблица 4

Этническая структура самостоятельного населения и органов управления
Российской империи в 1897 г. и СССР в 1959, 1979 и 1989 гг. (%)

Этнос	1897		1959		1979		1989	
	Управ-ление	Насе-ление	Управ-ление	Насе-ление	Управ-ление	Насе-ление	Управ-ление	Насе-ление
Русские	67,8	47,3	61,2	53,6	59,1	55,1	56,2	53,1
Азербайджанцы	0,0	0,0	1,0	1,1	1,7	1,6	2,1	2,0
Армяне	0,8	1,6	1,0	1,1	1,7	1,5	1,5	1,4
Башкиры	0,1	0,5	0,3	0,4	0,5	0,5	0,0	0,0
Белорусы	2,3	3,6	3,4	4,2	3,2	3,8	3,7	3,8
Грузины	0,9	1,4	1,2	1,2	1,1	1,3	2,0	1,4
Евреи	0,8	0,7	1,6	1,0	0,8	0,6	0,0	0,0
Казахи	1,3	2,5	1,6	1,2	2,6	1,8	3,1	2,4
Киргизы	0,0	0,7	0,3	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7
Латыши	1,1	0,5	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,5
Литовцы	0,8	1,1	0,9	1,1	1,0	1,0	1,0	1,1
Молдаване	0,3	1,1	0,3	1,2	0,6	1,1	0,8	1,2
Таджики	0,0	1,1	0,4	0,5	0,7	0,8	0,7	1,0
Татары	1,4	2,4	2,2	2,4	2,3	2,5	0,0	0,0
Туркмены	0,0	0,8	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7
Узбеки	0,0	4,8	1,6	2,3	2,5	3,4	2,7	4,4
Украинцы	9,3	16,2	15,4	19,1	14,1	16,4	15,0	16,0
Эстонцы	0,8	0,4	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
Якуты	0,0	0,1	0,2	0,1	0,3	0,1	0,0	0,0
Нерусские	32,2	52,7	38,8	46,4	40,9	44,5	43,8	46,9

Источники: см. примеч. к табл. 1.

к 1989 г. нерусские были представлены в управлении близко к демократической норме, занимая почти половину высших должностей в аппарате (см. табл. 1).

Аналогичную картину наблюдаем *относительно всех других этносов* (табл. 4).

Как показывают данные переписи 1897 г., большинство нерусских этносов участвовало в управлении даже в «тюрьме народов», как называют Российскую

империю современные историки из бывших советских республик¹⁴, хотя и были недопредставлены (их ИЭПР равен 0,61). Из 118 этносов, зафиксированных переписью, 97 имели в органах управления хотя бы одного соплеменника, среди которых есть цыгане, тунгусы, камчадалы, гиляки, алеуты, эскимосы, якуты и другие народы. 79 этносов имели более 10 представителей, 55 этносов — более 100 и 22 этноса — более 1000. В управлении участвовали 2587 евреев, в том числе 7% проживавших за чертой оседлости¹⁵. Среди управленцев процент нерусских был достаточно значителен — 32,2; и в основном они работали в местном управлении и самоуправлении. Однако в структурах власти в «национальных окраинах», т. е. на территориях, которые после образования СССР вошли в состав 14 союзных республик (Советский Союз без Российской Федерации), преобладали представители нерусских этносов — 59,5% чиновников принадлежали к местным народам (табл. 8). Этот факт определенно свидетельствует о том, что центральное правительство при проведении своей политики в «национальных окраинах» опиралось на местные кадры.

В советское время присутствие нерусских этносов в управлении еще более возросло, а их представительность постепенно приближалась к демократической норме. Характерно, что представители разных народов служили во всех эшелонах власти, что наглядно показывают данные двух переписей 1926 и 1959 гг., в которых это учитывалось (табл. 5). Например, в 1959 г. реально дискриминированные евреи в государственном и партийном аппарате были представлены в 1,65 раза выше демократической нормы (их ИЭПР равен 1,65), а в высшем эшелоне власти — в 5,09 раза выше (их ИЭПР равен 5,09).

Участие этносов в государственном и партийном аппарате имело особенности. Нерусские этносы были лучше представлены в госаппарате, чем в партийном. В силу этого советские органы власти в этническом отношении формировались демократичнее партийных (табл. 6 и 7).

Суть перемен в этнической структуре органов управления отражена в табл. 8.

В течение 1897–1989 гг. в стране в целом участие нерусских в структурах власти систематически и с ускорением росло, соответственно русских — снижалось. В 1897–1926 гг., за 29 лет, доля русских упала на 3 процентных пункта; в 1926–1959 гг., за 33 года, — на 3,6 пункта; в 1959–1989 гг., за 30 лет, — на 8,1 пункта. Ошибочно думать, что в 1897–1926 гг. все падение роли русских произошло за девять лет советской власти. Привлечение (с временными заминками и отступлениями) в органы власти представителей местных элит всегда являлось принципом этноконфессиональной политики правительства Российской империи¹⁶. Отсюда следует вывод: так называемая коренизация управления (подготовка и продвижение на руководящие должности представителей местных элит, создание автономий, внедрение национальных языков в делопроизводство, в образование, поощрение издания СМИ на местных языках)¹⁷, начатая в 1920-е гг., *продолжила политику имперских властей и отнюдь не закончилась в 1930-е гг., а продлилась до последних дней советского режима, причем с ускорением*. В 1897–1989 гг. увеличение доли нерусских в управлении произошло почти исключительно за счет повышения их этниче-

Таблица 5

**Этнический состав занятых в государственном и партийном аппарате СССР
на разных уровнях власти в 1926 и 1959 гг.**

Этнос	Участие в органах управления*, %				Репрезентативность: ИЭПР			
	Всего	I	II	III	Всего	I	II	III
1926								
Русские	62,6	69,3	61,7	62,2	1,13	1,25	1,11	1,12
Нерусские	37,4	30,7	38,3	37,8	0,84	0,69	0,86	0,85
1959								
Русские	57,17	61,72	58,33	53,92	1,07	1,15	1,09	1,01
Украинцы	16,73	12,44	16,08	19,37	0,88	0,65	0,84	1,01
Белорусы	3,25	3,01	3,39	3,25	0,77	0,71	0,80	0,77
Латыши	0,79	0,69	0,75	0,89	1,13	0,99	1,07	1,27
Литовцы	1,32	0,76	1,39	1,51	1,18	0,68	1,24	1,35
Эстонцы	0,67	0,76	0,79	0,51	1,44	1,65	1,71	1,09
Молдаване	0,41	0,14	0,21	0,71	0,35	0,12	0,18	0,61
Армяне	1,10	1,43	1,02	1,01	1,04	1,36	0,97	0,96
Азербайджанцы	1,17	0,81	1,16	1,36	1,07	0,74	1,05	1,24
Грузины	1,22	1,23	1,18	1,25	1,01	1,01	0,97	1,04
Казахи	2,08	1,36	1,87	2,61	1,78	1,16	1,61	2,23
Узбеки	1,63	1,32	1,89	1,53	0,71	0,57	0,82	0,66
Киргизы	0,48	0,39	0,47	0,53	1,27	1,04	1,25	1,39
Таджики	0,45	0,43	0,56	0,37	0,93	0,88	1,14	0,76
Туркмены	0,46	0,47	0,54	0,38	1,35	1,37	1,58	1,11
Татары	1,98	1,30	2,07	2,23	0,90	0,59	0,94	1,01
Евреи	1,72	5,31	1,24	0,47	1,65	5,09	1,19	0,45
Башкиры	0,39	0,15	0,33	0,56	1,07	0,40	0,92	1,53
Якуты	0,34	0,15	0,39	0,38	3,60	1,62	4,12	4,04
Другие	6,64	6,12	6,35	7,17	0,84	0,78	0,80	0,91
Нерусские	42,83	38,28	41,67	46,08	0,92	0,83	0,90	0,99

* I — общесоюзные, республиканские, областные органы; II — районные и городские органы; III — первичные организации.

Источники указаны в примеч. к табл. 1.

Таблица 6

Участие отдельных этносов в государственном аппарате СССР разных уровней в 1959 г.

Этнос	Участие в органах госаппарата*, %				Репрезентативность: ИЭПР			
	Всего	I	II	III	Всего	I	II	III
Русские	53,47	61,21	57,66	46,04	1,00	1,14	1,08	0,86
Украинцы	18,09	11,95	16,24	22,70	0,95	0,62	0,85	1,19
Белорусы	3,49	2,86	3,47	3,80	0,82	0,68	0,82	0,90
Латыши	0,90	0,69	0,83	1,07	1,33	1,02	1,22	1,58
Литовцы	1,62	0,83	1,46	2,15	1,45	0,74	1,31	1,92
Эстонцы	0,77	0,82	0,91	0,62	1,65	1,76	1,95	1,33
Молдаване	0,52	0,12	0,19	1,00	0,44	0,10	0,16	0,85
Армяне	1,12	1,42	0,92	1,14	1,06	1,35	0,87	1,08
Азербайджанцы	1,27	0,80	1,04	1,71	1,16	0,72	0,94	1,55
Грузины	1,27	1,07	1,13	1,50	1,05	0,88	0,93	1,23
Казахи	2,08	1,16	1,93	2,65	1,78	0,99	1,66	2,27
Узбеки	1,63	1,17	1,88	1,63	0,71	0,51	0,82	0,71
Киргизы	0,54	0,32	0,53	0,64	1,41	0,86	1,40	1,70
Таджики	0,47	0,35	0,62	0,39	0,96	0,71	1,28	0,81
Туркмены	0,49	0,43	0,51	0,51	1,45	1,26	1,50	1,49
Татары	2,08	1,19	2,07	2,53	0,95	0,54	0,94	1,15
Евреи	2,08	6,87	1,63	0,12	1,99	6,59	1,56	0,12
Башкиры	0,43	0,13	0,32	0,68	1,18	0,34	0,87	1,86
Якуты	0,38	0,13	0,40	0,49	4,01	1,31	4,21	5,17
Другие	7,32	6,49	6,27	8,63	0,93	0,82	0,79	1,09
Нерусские	46,53	38,79	42,34	53,96	1,00	0,84	0,91	1,16

* I — общесоюзные, республиканские, областные органы; II — районные и городские органы; III — первичные организации.

Источники и пояснения см. в примеч. к табл. 1.

Таблица 7

Участие отдельных этносов в партийном аппарате СССР разных уровней в 1959 г.

Этнос	Участие в органах паргашарата*, %				Репрезентативность: ИЭПР			
	Всего	I	II	III	Всего	I	II	III
Русские	63,44	62,75	59,32	68,14	1,18	1,17	1,11	1,27
Украинцы	14,42	13,42	15,84	13,37	0,75	0,70	0,83	0,70
Белорусы	2,86	3,28	3,26	2,25	0,67	0,77	0,77	0,53
Латыши	0,61	0,69	0,63	0,56	0,90	1,01	0,93	0,82
Литовцы	0,80	0,62	1,28	0,37	0,71	0,55	1,14	0,33
Эстонцы	0,50	0,66	0,62	0,30	1,08	1,43	1,35	0,65
Молдаване	0,21	0,19	0,25	0,19	0,18	0,16	0,21	0,17
Армяне	1,06	1,45	1,17	0,78	1,01	1,38	1,11	0,74
Азербайджанцы	1,01	0,85	1,33	0,73	0,92	0,78	1,21	0,66
Грузины	1,13	1,53	1,25	0,82	0,93	1,26	1,04	0,68
Казахи	2,07	1,75	1,79	2,53	1,78	1,50	1,53	2,17
Узбеки	1,63	1,62	1,90	1,34	0,71	0,71	0,83	0,58
Киргизы	0,39	0,53	0,39	0,31	1,02	1,41	1,04	0,83
Таджики	0,43	0,58	0,46	0,32	0,88	1,20	0,94	0,67
Туркмены	0,40	0,54	0,58	0,15	1,17	1,59	1,69	0,44
Татары	1,81	1,50	2,06	1,68	0,82	0,68	0,94	0,76
Евреи	1,12	2,23	0,68	1,10	1,08	2,14	0,65	1,05
Башкиры	0,32	0,19	0,36	0,34	0,88	0,52	0,99	0,92
Якуты	0,28	0,21	0,38	0,19	2,89	2,23	4,00	2,01
Другие	5,51	5,40	6,46	4,54	0,70	0,68	0,82	0,58
Нерусские	36,56	37,25	40,68	31,86	0,79	0,80	0,88	0,69

* I — общесоюзные, республиканские, областные органы; II — районные и городские органы; III — первичные организации.

Источники и пояснения см. в примеч. к табл. 1.

Таблица 8

**Вытеснение русских из органов управления Российской империи и СССР
в 1897–1989 гг.***

Этнос	Доля этноса в управлении, %					Репрезентативность: ИЭПР				
	1897	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
СССР:										
русские	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2	1,43	1,22	1,14	1,07	1,06
нерусские	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8	0,61	0,76	0,84	0,91	0,93
15 титульных	85,3	82,9	90,1	90,3	90,1	1,06	0,96	0,97	1,00	1,01
СССР без РСФСР:										
русские	40,5	27,9	25,0	23,7	20,5	2,89	1,67	1,65	1,11	1,02
нерусские	59,5	72,1	75,0	76,3	79,5	0,69	0,87	0,88	0,97	0,99
14 титульных этносов (без русских)	35,0	82,2	61,8	69,9	74,6	0,63	0,93	0,89	0,99	1,02

* Управление включает государственный и партийный аппарат, органы суда и правоохранительных органов.

Источники: см. примеч. к табл. 1.

ского статуса (их ИЭПР возрос с 0,61 до 0,93), потому что процент нерусских в населении страны уменьшился на 6,5 пункта.

В 1979–1989 гг. снижение доли русских во властных структурах ускорилось под влиянием уменьшения численности русских и роста численности нерусских: доля русских уменьшилась на 2,9%, напротив, нерусских увеличилась на 2,9%. При сохранении СССР и темпов изменения численности народов всего лишь через 10 лет, в 1999 г., русские остались бы в меньшинстве, и в дальнейшем этот процесс набирал бы силу. После распада Советского Союза на его бывшей территории в постсоветских республиках так и произошло. В 2018 г. в бывших союзных республиках, включая Российскую Федерацию, согласно последним переписям 2010–2018 гг. (на Украине в 2001 г.), проживало около 295 млн человек, в том числе 125 млн русских — 42,4% от всего населения. В 1989 г. в СССР проживало 286 млн, в том числе 145 млн русских или 50,8% всех граждан страны (а в самодеятельном населении 53,1%)¹⁸. Иными словами, через 29 лет после распада Советского Союза суммарная численность населения бывших союзных республик увеличилась примерно на 9 млн, а русских уменьшилась на 20 млн, а их доля упала на 8,4%. *На постсоветском пространстве русские оказались в меньшинстве.* При сохранении СССР, темпов роста доли нерусских в управлении (наблюдавшихся в 1979–1989 гг.) и механизма формирования всесоюзных органов власти, в котором использовалась технология паритетного и пропорционального квотирования по этническому признаку, *убыль русских неизбежно привела бы к резкому падению их роли во всех властных структурах страны* (табл. 9).

Уже через 20 лет, в 2009 г., во всех структурах власти, кроме судебных, большинство принадлежало бы нерусским, и в дальнейшем их роль продол-

Таблица 9

Национальный состав органов власти СССР в 1989–2021 гг. (прогноз)

Этнос	1989	1999	2009	2021
Государственный (советский) аппарат				
Нерусские	46,9	49,2	51,6	54,7
Русские	53,1	50,8	48,4	45,3
Партийный аппарат				
Нерусские	44,6	48,5	52,8	57,3
Русские	55,4	51,5	47,2	42,7
Милиция				
Нерусские	42	46,5	51,6	58,3
Русские	58	53,5	48,4	41,7
Судебные учреждения				
Нерусские	42,8	45,7	48,8	52,7
Русские	57,2	54,3	51,2	47,3
Управление, органы правопорядка и суда, СССР				
Нерусские	43,8	46,9	50,2	54,5
Русские	56,2	53,1	49,8	45,5
Управление, органы правопорядка и суда, СССР без РСФСР				
Нерусские	79,5	80,3	81,1	82,0
Русские	20,5	19,7	18,9	18,0

Рассчитано по данным табл. 3 и 8.

жала бы расти. К 2050 г. во всех властных структурах они имели бы квалифицированное большинство со всеми вытекающими из этого последствиями. На самом деле это случилось бы раньше, так как после 1989 г. *вследствие падения рождаемости* началась депопуляция русских. Неизбежно произошли бы и другие важные изменения в этническом составе управленцев, потому что национальный состав населения страны заметно трансформировался бы ввиду различной динамики населения в отдельных республиках. С 1989 по 2019 г. в шести бывших мусульманских республиках: Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане — население возросло приблизительно на 26,5 млн, а в девяти христианских: Армении, Грузии, Белоруссии, Латвии, Литве, Молдавии, РСФСР, Украине и Эстонии — уменьшилось

на 16,5 млн¹⁹. Распад СССР эти тенденции в Российской Федерации приостановил. Таким образом, сейчас, 30 лет спустя, есть основания полагать, что распад Советского Союза в 1990-е гг. явился трагедией для большинства советских людей, однако в конечном итоге оказался если не благодетельным, то не столь негативным для россиян, как нередко постулируется. Можно говорить об *оптимистической трагедии*. Сбылось предсказание Н. Гоголя: «Если у русских останется только один хутор, то и тогда Россия возродится».

Вытеснение русских из властных структур в «национальных окраинах» — в 14 союзных республиках (без РСФСР) — происходило быстрее и завершилось раньше, потому что нерусские участвовали в управлении и до 1917 г. Уже в 1897 г. доля русских среди управленцев составляла лишь 40,5 %, при советской власти в целом в 14 республиках она неуклонно снижалась и к 1989 г. упала до 23,7 %, хотя доля русских в населении республик в 1897–1989 гг. увеличилась на 4,9 пункта — с 15,6 до 20,5 %. Соответственно участие местных элит в управлении выросло с 59,5 до 79,5 %. Индекс репрезентативности русских в 14 союзных республиках (без РСФСР) в целом с 1897 по 1989 г. упал в 2,8 раза (с 2,89 до 1,02), а нерусских повысился в 1,4 раза — с 0,69 до 0,99 (табл. 8). Процесс вытеснения русских из властных структур происходил во всех союзных республиках, включая РСФСР, только с разной интенсивностью (табл. 10).

В наименьшей степени оказалась дерусифицирована Российская Федерация. За 1897–1989 гг. в ней доля титульного этноса (русских) в управленческих кадрах уменьшилась с 89,3 до 81,6 %, хотя в населении страны увеличилась с 80,5 до 81,5 %. Напротив, доля нерусских увеличилась с 10,7 до 18,4 % благодаря главным образом росту их этнического статуса — ИЭПР нерусских увеличился с 0,55 до 1,02, и уже в 1959 г. они имели представительство в органах власти в соответствии с демократической нормой. Более всего дерусификация наблюдалась в тех частях империи, где в 1897 г. участие титульного этноса в управлении было минимальным (в Литве рост на 64 процентных пункта, в Армении на 57,7 и в Туркмении на 52,2 пункта); менее всего — там, где уже в 1897 г. в сфере управления преобладали титульные этносы (в Эстонии на 6,1 пункта, на Украине на 16,7 пункта и в Грузии на 29 пунктов). И хотя в 1897 г. в органах власти эстонцы, украинцы и грузины были недопредставлены (ИЭПР равнялся 0,62; 0,73 и 0,67), благодаря большой численности они преобладали во властных структурах как абсолютно, так и относительно.

К 1989 г. титульные этносы контролировали органы власти в 13 из 15 союзных республик. Только в Казахстане и Латвии они не имели большинства: в Казахстане в силу малочисленности — процент казахов составлял 28,6, в Латвии вследствие недопредставленности латышей в управлении. Однако и в этих республиках русские во всех органах власти все равно находились в меньшинстве, а по доле среди управленцев они уступали титульным этносам. В 5 из 14 республик (без РСФСР) репрезентативность русских была ниже демократической нормы (в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане и Эстонии), в остальных 9 республиках — выше, но, несмотря на это, *ни в одной союзной республике русские не имели большинства*.

Таблица 10

**Вытеснение русских из органов власти в национальных окраинах
Российской империи и в союзных республиках СССР в 1897–1979 гг.**

Республика / Этнос	Доля этноса в управлении, %					Репрезентативность: ИЭПР				
	1897 ^a	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
РСФСР , русские нерусские	89,3 10,7	81,8 18,2	82,5 17,5	82,4 17,6	81,6 18,4	1,11 0,55	1,10 0,70	0,996 1,019	1,00 1,00	1,01 0,97
Азербайджан , азербайджанцы русские	– 84,3	49,0 17,5	56,1 17,2	77,9 8,4	83,3 5,3	– 3,35	0,84 1,43	0,94 1,18	1,04 0,86	1,03 0,79
Армения , армяне русские	39,3 23,4	94,5 1,2	92,4 2,7	94,4 1,4	97,0 1,3	0,83 3,52	1,14 0,50	1,06 0,72	1,05 0,49	1,03 0,75
Белоруссия , белорусы русские	30,7 42,1	57,5 16,6	69,5 20,7	72,5 19,0	– –	0,70 4,50	0,69 2,18	0,85 3,12	0,93 1,50	– –
Грузия , грузины русские	50,2 32,5	69,5 8,0	72,0 7,5	76,5 5,2	79,2 4,3	0,67 5,24	1,08 1,91	1,11 0,70	1,11 0,66	1,11 0,66
Казахстан , казахи русские	16,2 77,8	24,7 51,2	38,3 43,6	41,5 40,7	– –	0,23 3,46	0,42 2,74	1,57 0,94	1,45 0,90	– –
Киргизия , киргизы русские	11,7 78,1	24,1 45,9	38,5 36,9	47,4 33,4	51,0 ^b –	0,15 6,82	0,35 4,38	1,00 1,14	1,17 1,05	– –
Латвия , латыши русские	15,9 29,6	– –	48,5 37,9	51,9 34,6	46,8 36,5	0,36 4,17	– –	0,78 1,48	1,04 1,00	0,95 1,06
Литва , литовцы русские	11,9 48,4	– –	69,5 19,9	77,3 13,0	75,9 13,3	0,40 5,09	– –	0,87 2,53	1,00 1,28	0,98 1,33
Молдавия , молдаване русские	10,2 76,0	– –	37,7 30,9	50,4 22,5	– –	0,25 2,33	– –	0,56 3,60	0,81 1,71	– –
Таджикистан , таджики русские	23,8 49,7	40,4 35,0	50,3 23,3	56,7 18,3	– 66,0 ^b	0,87 11,83	0,55 13,03	1,00 1,48	1,07 1,25	– –
Туркмения , туркмены русские	10,6 69,6	25,7 46,2	47,9 28,9	62,8 19,9	– –	0,20 4,09	0,36 6,35	0,85 1,32	1,01 1,16	– –
Узбекистан , узбеки русские	15,8 49,7	40,6 49,2	49,5 23,4	61,1 17,3	64,6 13,6	0,28 11,83	0,60 6,19	0,83 1,47	0,96 1,20	0,96 1,25
Украина , украинцы русские	53,3 38,9	55,0 23,0	68,1 25,2	70,0 25,1	– –	0,73 3,23	0,66 2,75	0,87 1,62	0,97 1,14	– –
Эстония , эстонцы русские	52,4 28,3	– –	66,1 26,4	66,9 25,1	58,5 31,2	0,62 3,72	– –	0,89 1,37	1,12 0,81	1,00

^a Территория и население будущих союзных республик идентифицированы ориентировочно.

^b Оценка.

Источники и пояснения см. в примеч. к табл. 1.

Во всех 15 республиках доля русских в органах власти за 1897–1989 гг. уменьшилась на 14,7 процентных пункта (с 67,8 до 53,1%), репрезентативность — с 1,43 до 1,06 (табл. 8). Зато доля 14 титульных этносов (без русских) во властных структурах в 14 республиках (СССР без РСФСР) повысилась в 2,1 раза — с 35,0 до 74,6%. Лишь в управлении Латвии повысилась не только доля латышей — на 30,9 процентных пункта, но и доля русских — на 6,9 пункта. Объясняется это тем, что в 1897 г. в латвийской части империи проживало русских мало (7,1% населения) и их доля в управлении была незначительной (около 30%). После окончания Второй мировой войны больше всего русских мигрантов, прибывших в Прибалтику, осело в Латвии, что в соответствии с демократическим принципом формирования органов власти и привело к росту их роли в управлении, несмотря на падение их представительности в органах власти.

В 1897 г. территорию и численность населения будущих союзных республик можно идентифицировать ориентировочно, поскольку они не имели своей государственности и, значит, границ, а учет населения во время переписи велся по административным единицам 1897 г. Однако если за начальную точку взять 1926 г., то тенденции остаются прежними: в 1926–1989 гг. процент русских во всех органах власти в СССР понизился с 67,8 до 53,1, а нерусских, наоборот, повысился с 35,2 до 43,8. Вытеснение русских объясняется главным образом ростом этнического равенства. Если в 1897 г. русские были представлены в управлении в «национальных окраинах» (на территории за пределами границ будущей РСФСР) в 2,89 раза выше демократической нормы, то в 1989 г. — пропорционально их численности (их ИЭПР упал с 2,89 до 1,02) (табл. 8).

Еще один важный факт: у нерусских титульных народов, получивших свою государственность при советской власти, этнический статус увеличился существенно, чем у нерусских народов, не имевших государственности. Это ясно видно на данных по 14 союзным республикам без РСФСР (табл. 8). За 1897–1989 гг. в «национальных окраинах» (на территории СССР без РСФСР) доля представителей 14 титульных этносов (без русских) в управлении поднялась на 39,6 пункта (с 35,0 до 74,6%), а всех нерусских народов — на 20 пунктов (с 59,5 до 79,5%). К 1989 г. индексы репрезентативности у 14 титульных (без русских) и всех нерусских народов достигли демократического уровня и практически сравнялись (1,02 у первых и 0,99 у вторых), что свидетельствует о соблюдении демократического принципа при формировании органов власти.

Проведенное исследование не позволяет согласиться с теми авторами, которые основной причиной распада СССР считают угнетенное и дискриминационное положение нерусских²⁰. На самом деле нерусские народы были представлены в структурах власти задолго до революций 1905 и 1917 гг., хотя и ниже демократической нормы. При этом их недопредставленность, за исключением евреев, объяснялась главным образом недостатком национальных кадров и слабым знанием русского языка, а не формальными запретами на занятие государственной службой, т. е. не являлась политической дискриминацией²¹. *Коренизация управления*, провозглашенная в СССР в 1920-е гг., фактически продолжила политику имперских властей и отнюдь не закончилась во второй

половине 1930-х гг., а продлилась до последних дней советского режима. Украинизация, башкиризация, белорусизация, узбекизация, татаризация, туркменизация и другие подобные процессы поощрялись и поддерживались как демократические. Привлечение русских в управление союзных и автономных республик нередко рассматривалось как проявление великодержавного шовинизма. Вследствие этого в течение 1897–1990 гг. в стране в целом участие нерусских в структурах власти систематически росло, соответственно русских — снижалось.

Оборотной стороной коренизации стала *дерусификация управления* не только в СССР в целом, но и во всех союзных республиках. В наименьшей степени она затронула Российскую Федерацию, в большей степени — остальные 14 союзных республик. В 1989 г. в управлении всех союзных республик нерусские и русские были представлены примерно пропорционально их численности. Однако вследствие большей численности коренные народы преобладали во властных структурах и абсолютно, и относительно. Титульные народы приобрели *квалифицированное* большинство в Армении и Грузии в 1926 г., в Белоруссии, Литве, Украине и Эстонии — в 1959 г. (в 1989 г. большинство эстонцев уменьшилось до 58,5%), в Азербайджане — в 1979 г., в Узбекистане (64,6%) и Туркмении (66,0%) — практически в 1989 г. Таджики в управлении своей республикой получили *простое* большинство в 1959 г., молдаване и латыши — в 1979 г. (правда, в 1989 г. последние большинство утратили), киргизы — в 1989 г. Следовательно, в 1989 г. в 9 из 15 союзных республик титульные народы имели квалифицированное большинство во властных структурах, включая верховные советы, и, согласно республиканским конституциям, могли принять любые законы и провести любые реформы. В Эстонии, Молдавии, Таджикистане и Киргизии титульные этносы имели простое большинство и лишь в Казахстане (ввиду небольшой численности коренного населения) и Латвии (ввиду понижения репрезентативности латышей в 1989 г. сравнительно с 1979 г.) коренные народы оставались в меньшинстве. Но и в Казахстане, и в Латвии русские в управленческих структурах все равно были в меньшинстве, а по проценту среди управленцев они уступали титульным этносам.

Формирование политических национальных элит в союзных республиках послужило необходимой предпосылкой для дезинтеграции СССР, что подчеркивали многие исследователи этой проблемы, в частности М. Н. Губогло²² и Р. Г. Пихоя²³. По словам В. А. Тишкова, «элиты, а не массы склонны и способны вызывать вражду... Согласие и сотрудничество элит и есть тот самый «мир между народами»»²⁴. Развитие национальных элит подтачивало единство номенклатуры и вело к расколу правящего класса по этническому признаку. До 1980-х гг. республиканские власти были лояльны Москве, так как идентифицировали себя с единой советской номенклатурой и не обладали квалифицированным большинством в управлении. Однако с 1980-х гг., после того как в союзных республиках национальные элиты сформировались и заняли господствующее положение во всех властных структурах, положение стало изменяться. У элит появились претензии на монопольную власть и собственность в республиках, что стимулировало развитие центробежных тенденций²⁵.

Советский национальный проект ставил целью пресечь самую возможность возникновения националистических движений в СССР посредством *суверенизации республик* — этничность институционализировалась как политическая категория, территория закреплялась за крупными этносами и их элитами, развитие национальных культур и языков официально поддерживалось на всех уровнях власти²⁶. Учитывая конечные результаты, можно ли считать советский проект нациестроительства состоятельным? Мнения на этот счет разделились, так как ни одна сторона не привела аргументов, которые бы всех убедили. Пока можно определенно сказать, что советская национальная политика создала набор институтов и учреждений, способствующих развитию национальных государств²⁷, и тем самым подготовила предпосылки для развития центробежных тенденций. Однако предпосылки — это только возможность. Для ее реализации, причем именно в 1991 г., нужны были серьезные непосредственные причины, которых множество — политические, социальные, экономические, психологические, демографические, экологические, военные и т. п. Здесь веское слово могут сказать исследователи, изучающие дезинтеграцию в первую очередь как конъюнктурное явление, непосредственно порожденное событиями 1985–1991 гг. К сожалению, ищущие непосредственные причины мало интересуются предпосылками, а изучающие предпосылки — непосредственными причинами. Анализ предпосылок и причин распада Советского Союза в системе, в единой теоретической парадигме и в ракурсе возможности или неизбежности дезинтеграции представляется наиболее перспективной стратегией исследования.

¹ Миронов Б. Н. Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 149–173.

² Историография рассмотрена в специальной статье: Миронов Б. Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 1. С. 132–147.

³ Титульным народом будем называть этнос, в честь которого названа союзная республика; всего их по числу союзных республик с 1956 г. было пятнадцать.

⁴ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. / ред. Н.Тройницкий. СПб., 1905; Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам: в 4 т. / ред. Н.Тройницкий. СПб., 1905. На основе опубликованных материалов создана реляционная база данных, послужившая ядром информационной системы «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года» (руководитель проекта: Е. А. Брюханова). URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 25.09.2020).

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. М., 1928–1930. Т. 18–34.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Центральное статистическое управление СССР. Оп. 336. Д. 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 10 т. М., 1971. Т. 8: Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. 1. М., 1973. С. 14, 24, 28.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1979 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7465–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.

¹⁰ Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа: аналитический доклад / А. З. Адиев, С. И. Аккиева, М. А. Аствацатурова, Р. Ш. Курбанов, Е. А. Щербина. Махачкала, 2017; *Пашиева Ш. Ю.* Практика неформального этнического квотирования. URL: <https://proza.ru/2020/08/22/486> (дата обращения: 15.12.2020); *Федорченко С. Н.* Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 4 дек. 2009 г. / отв. ред. С. С. Сулакшин. М., 2010. С. 692–705.

¹¹ Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 50.

¹² *Миронов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 378.

¹³ Это один из примеров преемственности имперской и советской модернизации. См.: *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 40–56.

¹⁴ *Миронов Б. Н.* Управление... С. 121–139.

¹⁵ Общий свод... Т. 2. С. 335.

¹⁶ *Миронов Б. Н.* Управление... С. 152–163.

¹⁷ См. дискуссию о коренизации в современной историографии: *Борисенко Е. Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006; *Дроздов К. С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. СПб., 2016; *Матвеева Л. Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье (1917–1936 гг.). Уфа, 2006; *Борисенко Е. Ю.* Кадровая политика большевиков в УССР в период коренизации // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Междунар. науч. конф., Киев, 10–12 окт. 2013 г. М., 2014. С. 641–657; *Крупина В. А.* Кадровая политика в советской Украине в период позднего сталинизма: национальный аспект // Там же. С. 658–665; *Юрченко В. А.* Коренизация аппарата в Мордовской АССР как создание и насаждение новой национальной элиты (1928–1938 гг.) // Там же. С. 632–640.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1989 года. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 06.11.2020).

¹⁹ Как изменилась численность населения бывших советских республик за последние 30 лет? URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/kak-izmenilas-chislennost-nasele-niia-byvshih-sovetskikh-respublik-za-poslednie-30-let-5dab00208600e100b133a238?utm_source=serp (дата обращения: 06.11.2020).

²⁰ *Шаститко П. М.* Обреченные догмы. Большевизм и национальный вопрос. М., 2002. С. 245; *Gerner K.* The Baltic States and the End of the Soviet Empire. London; New York, 1993; *Guthier S. L.* The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897–1970 // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29, no. 1. P. 37–61; и мн. др.

²¹ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. Т. 1. С. 148–152.

²² *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.

²³ *Пихоя Р. Г.*: 1) Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 3-е., испр. и доп. М.; Берлин, 2019. С. 543; 2) Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М., 2007. С. 379.

²⁴ *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 321. После распада СССР «позитивная дискриминация» нерусских народов стала признаваться и в западной историографии: *Brubaker R.* Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: an Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. No. 23. P. 47–78; *Roeder R. G.* Red Sunset: The Failure of Soviet Politics. Princeton, 1993. См. также примеч. 20.

²⁵ *Золотов В. А.* Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 208–214.

²⁶ *Тишков В. А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2005. С. 588–600.

²⁷ *Тишков В. А.*: 1) Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Исторический аспект // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 9;

2) Этнический фактор и распад СССР... С. 588–600; *Буровский А. М.* Крах империи: Курс неизвестной истории. М.; Красноярск, 2004. С. 214–215; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 32; *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca, 2005; *Lainin D. D.* Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; London, 1998; *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 329–374.

Статья поступила в редакцию 6 октября 2020 г.
Рекомендована в печать 17 февраля 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронов Б. Н. Дерусификация управления в СССР // *Новейшая история России* 2021. Т. 11, № 2. С. 436–458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209>
УДК 94(47).083

Аннотация: В России нерусские народы были представлены в структурах власти задолго до революций 1905 и 1917 гг., но ниже демократической нормы, что позволяет говорить о существовании в империи де-факто этнической дискриминации. В советское время в СССР фактическое этнополитическое неравенство народов было постепенно преодолено, участие нерусских в структурах власти постоянно росло, а, соответственно, русских снижалось. Увеличение доли нерусских в управлении произошло почти исключительно за счет повышения их этнического статуса. К 1990 г. в целом по СССР русские имели весьма незначительное большинство во всех структурах власти, кроме законодательной, что примерно соответствовало их более высокой доле в населении страны (в 1989 г. русские составляли 50,8% во всем населении и 53,1% в занятом населении). В союзных республиках дело обстояло по-разному. В РСФСР все народы участвовали в управлении государством пропорционально своей численности и в полном соответствии с демократической нормой. В Белоруссии, Молдавии и Узбекистане титульные этносы были недопредставленными, а русские — сверхпредставленными. В Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане и Эстонии репрезентативность русских была ниже демократической нормы, в девяти республиках — выше, но, несмотря на это, ни в одной союзной республике они не имели большинства. Подобная ситуация сложилась в результате национальной политики центра, направленной на коренизацию управленческих кадров, ускоренную модернизацию союзных республик и на выравнивание уровней их развития. Советская национальная политика создала набор институтов и учреждений, способствующих развитию национальных государств, и тем самым подготовила предпосылки для развития центробежных тенденций.

Ключевые слова: дезинтеграция, Советский Союз, СССР, национальная политика, коренизация, государственный аппарат, этническая дискриминация.

Сведения об авторе: *Миронов Б. Н.* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mironov1942@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Mironov B. N. 'Derusification of Administration in USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021, pp. 436–458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209> (In Russian)

Abstract: Non-Russian peoples were represented in Russian power structures long before the revolutions of 1905 and 1917, but less than the democratic norm, which suggests *de facto* ethnic discrimination in the Empire. In Soviet times, the actual ethno-political inequality of peoples in the USSR was gradually overcome, and partic-

ipation of non-Russians in power structures grew systematically and even accelerated, and the role of Russians decreased accordingly. The increase in non-Russians' share in governmental bodies was almost exclusively due to an increase in their ethnic status. By 1979, Russians had a very small majority in all government structures in the USSR as a whole, except for the legislative branch, which roughly corresponded to their higher share in the country's population (50.8% in 1989). However, the situation was different in the Union republics. Only in the Russian Federation did all peoples, Russian and non-Russian, participate in governmental bodies in proportion to their numbers and in full compliance with the democratic norm. In Belarus, Moldova, and Uzbekistan, titular ethnic groups were underrepresented, and Russians were overrepresented. In Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, and Estonia, the representation of Russians was below the democratic norm, and in nine republics it was higher, but despite this, they did not have a majority in any union republic. This situation developed as a result of the center's national policy, which aimed at strengthening the authorities with national personnel, accelerating the modernization of the Union republics and raising the level of development in the lagging republics to the level of the most developed republics.

Keywords: disintegration, Soviet Union, USSR, national polity, korenizatsiya, state apparatus, ethnic discrimination.

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-09-00353 "The disintegration of the Soviet Union in the human dimension: An interdisciplinary study".

Author: *Mironov B. N.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mironov1942@yandex.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Artem'ev A. P. *Fraternal combat union of the peoples of the USSR in the Great Patriotic War* (Moscow, 1975). (In Russian)
- Borisenok E. Yu. 'Personnel Policy of the Bolsheviks in the Ukrainian SSR during the Period of Korenization', in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Burovskii A. M. *The Collapse of the Empire: The Course of an Unknown History* (Moscow; Krasnoyarsk, 2004). (In Russian)
- Drozdov K. S. *The policy of Ukrainization in the Central Chernozem region, 1923–1933* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Fedorchenko S. N. 'The Problem of Quotas in the Russian State Personnel Policy', in *Natsional'naia bezopasnost': nauchnoe i gosudarstvennoe upravlencheskoe sodержanie: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moscow, 4 dekabrya 2009)*, ed. by S. S. Sulakshin (Moscow, 2010). (In Russian)
- Guboglo M. N. *Languages of Ethnic Mobilization* (Moscow, 1998). (In Russian)
- Iurchenkov V. A. 'Korenization of the Apparatus in the Mordovian ASSR as the Creation and Planting of a New National Elite (1928–1938)', in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Krupyna V. A. 'Personnel Policy in Soviet Ukraine in the Period of Late Stalinism: The National Aspect?' in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Matveeva. L. D. *Domestic historiography of national-state construction in the Middle Volga region and the Urals (1917–1936)*. (Ufa, 2006). (In Russian)
- Mironov B. N. 'Ethnic discrimination in the formation of state authorities of the USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021.
- Mironov B. N. *Managing the ethnic diversity of the Russian Empire*. (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Mironov B. N. *Russian Empire: From tradition to modernity*: in 3 vols., 2nd ed. (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Mironov B. N. *Russian modernization and revolution* (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Mironov B. N. 'The disintegration of the Soviet Union in the historiography: Collapse or dissolution', *Vestnik of Saint Petersburg State University. History*, vol. 66, iss. 1. (In Russian)

- Pihoya R. G. *Moscow. Kremlin. Power. Two Stories of the Same Country. Russia at the Turn of the Millennium. 1985–2005* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Pihoya R. G. *The Soviet Union: History of Power. 1945–1991*. 3rd ed. (Moscow; Berlin, 2019). (In Russian)
- Shastitko P. M. *Doomed Dogmas. Bolshevism and the National Question* (Moscow, 2002). (In Russian)
- Slezkin Yu. 'The USSR as a Communal Apartment, or How the Socialist state Encouraged Ethnic Isolation', in *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya*, ed. by M. David-Fox (Samara, 2001). (In Russian)
- Tishkov V. A. 'Ethnic Factor and the Collapse of the USSR: Variants of Explanatory Models', in *Tragediia velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuzha*, ed. by G. N. Sevostyanov (Moscow, 2005). (In Russian)
- Tishkov V. A. 'Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space: Historical Aspect', in *Etnichnost' i vlast' v polietnichnykh gosudarstvakh*, ed. by V. A. Tishkov (Moscow, 1994). (In Russian)
- Tishkov V. A. *Society in Armed Conflict (Ethnography of the Chechen War)* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Zolotov V. A. *Political elite of the USSR: Social composition, educational and cultural level (1953–1991)* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 2006). (In Russian)

Received: October 6, 2020

Accepted: February 17, 2021